

ТЕАТР

ДВА ВЕЧЕРА В „ДОМЕ МОЛЬЕРА“

Тартюф настоящий, с него вмиг слетают все маски, и это подлинное лицо оказывается безобразным, чудовищным.

Последнее появление Тартюфа уже почти ничего не может добавить к образу. Да и нужды в этом нет. Артист лишь усиливает, ярче высвечивает некоторые черты уже до этого, по выражению В. Белинского, раздавленной «ядовитой гидры ханжества».

Таким мы увидели Тартюфа в исполнении Робера Ирша, ярко и убедительно раскрывшего нам само существо этого знаменитого мольеровского персонажа. Актер разоблачил иезуитскую, ханжескую мораль, преступность тартюфов, которые прикрываются звучными, красивыми словами для достижения своих корыстных целей. Достойные партнеры Р. Ирша и другие участники этого спектакля. В первую очередь это относится к Дорине (акт. Франсуаз Сепье). Как и большинство слуг у Мольера, Дорина была любимым персонажем драматурга. В уста слуг он часто вкладывал свои собственные мысли. Эта женщина из народа первая распознала ханжество Тартюфа и вступила с ним в яростную борьбу. Поэтому поражение Тартюфа — это победа Дорины.

Гастроли в Вильнюсе, которые проходят у нас в стране в рамках культурного сотрудничества между СССР и Францией, подходят к концу. Сегодня вечером последний спектакль. Прощаясь с прославленным коллективом, хочется сказать: спасибо за древнее и вечно молодое искусство. Спасибо вам за нашу общую любовь — Мольера.

А. МАРЦИНКВИЧЮС.

В СПЕКТАКЛЯХ французских актеров было немало интересного. Многие шли на их представления, думая встретиться хотя и со своеобразным, но все-таки «музейным» искусством французского театра. Но увидели мы живое реалистическое искусство, созвучное нашему сердцу, нашим эстетическим идеалам. Мы увидели спектакли, в которых точность режиссерской трактовки, глубина характеров органически сливаются со стремительностью действия и виртуозностью сценической речи.

Так что же привезли гости с берегов Сены?

Они показали нам подлинного Мольера, который для актеров Французской Комедии всегда был своим, по-настоящему близким драматургом. Ведь недаром театр называют «Домом Мольера». С его именем связаны большие творческие успехи, встречи с ним на протяжении трех столетий являются прехвосходной школой мастерства для все новых и новых поколений французских актеров.

Своеобразие настоящей гастрольной программы прежде всего вылилось посредством продуманно подобранного репертуара. Ведь фирс «Летающий Доктор» относится к самому началу творческого пути великого драматурга. «Мнимый больной» — последняя его пьеса, а «Тартюф» — подлинный аистей его творчества. Словом, те, кто имел счастье посмотреть все три постановки, как бы зримо представили себе развитие великого таланта, 300-летие со дня смерти которого на днях отмечалось буквально в самых разных уголках мира.

В спектаклях, привезенных французскими артистами, мощно, жизнеутверждающе прозвучала комедийная мольеровская мелодия. Она раздалась на неизвестном для нас языке, но мы сразу уловили в ней голос полюбившегося с детства драматурга. А это значит, что цель, поставленная театром, достигнута, встреча с Мольером состоялась.

ВЕЧЕР ПЕРВЫЙ

...Гаснет свет. Шумно и весело поднимаются из зрительного зала на сцену Горжибюс (Доминик Розан), его дочь Люсиль (Катрин Сальвиа), Сабина (Вирджини Прадаль), Адвокат (Марсель Тристали), Гро-Репе (Жерар Кайо) и, конечно, Станарель (Франсис Перрэн — он же постановщик спектакля) — герои комедии «Летающий доктор». Начинается сценическое действие, и мы отдаемся ему вместе с остроумными актерами, смеемся над туповатым Горжибюсом, сочувствуем любви Люсиль и Валера, иронизируем над ученой глупостью Адвоката и с большой охотой участвуем в проделках Станареля.

В этой своей ранней комедии драматург еще не стремился психологически оправдать поступки своих героев, создать жизненные характеры. Его цель была скромнее: опираясь на опыт плодотворной «комедии масок», создать сценическое произведение с быстро и четко развивающимся действием. Театр скрупулезно следует замыслу драматурга, и поэтому в постановке режиссера Франсиса Перрэна персонажи «Летающего доктора» мчатся перед нашими глазами задорно и стремительно. Они не заставили нас глубоко задуматься, но театральной праздничности и веселья на сцене было предостаточно.

В этом спектакле особенно ярко проявились профессиональное мастерство актеров, филигранная техника движений и речи. А Ф. Перрэн показал себя истинным мастером первоначальной. На глазах у зрителей он представлял то доктором, то слугой Станарелем. Характерно, что «перелетовка» эта происходила безо всякого нажима, двумя-тремя штрихами: на плечи накинута черная тога, и вот герой уже доктор, с мнимой важностью изрекающий «ученые» истины, тога сброшена, чуть-чуть меняется выражение лица исполнителя, и перед нами снова туповатый слуга, удивляющийся своим проделками и невольно заражающий зрителя простодушным энтузиазмом.

В этой связи уместно будет привести слова Карло Гольдони, так отзывавшегося об актерской школе Комеди Франсез: «В ней нет ничего натянутого ни в тексте, ни в выражении. Каждый шаг, каждое движение, взгляд, немая сцена тщательно изучены, но искусство скрывает изученное под покровом естественности». Сказано это было давно, но подобное можно адресовать сегодняшней труппе прославленного театра, исполнившей в тот же вечер еще и балет Мольера «Мнимый больной». Та же точность, выверенность (или, как выража-

ется Гольдони, «изученность») каждого мельчайшего движения, вместе с тем, та же почти импровизационная свобода и естественность, ощущение, что все это рождается у нас на глазах.

Режиссер Жан-Лоран Коше, следуя жанру комедии-балета, стремится развлекать зрителя, но при этом не приглушает ее сатирические краски. Спектакль гостей хотя и наполнен музыкой и пантомимой (таковы требования жанра), все же не теряет бытовую и психологическую достоверности, глубины характеров.

Искренностью и подлинным артистизмом, которые свойственны, впрочем, каждому участнику этого спектакля, особенно отличается игра артиста Жака Шарона, исполнившего роль Аркана.

Поднявшись с постели, этот крепкий, дородный мужчина лачинает вздыхать, жаловаться на свои мнимые недуги. Аркан Шарона — это физически и умственно вполне здоровый человек, которого, по словам актера, «шорок эгоизма ведет к ипохондрии, затем — к одиночеству и, может быть, — к смерти». Раскрывается ли полностью этот актерский замысел в спектакле? Да. И хотя талант исполнителя дополняет задуманный образ чертами почти детской пассивности, непосредственности и добродушия, Аркан все же воспринимается нами, как яркий сатирический тип самовлюбленного, отупевшего французского буржуа.

Тут уместно было бы рассказать и о грациозной и лукавой жене Аркана Белине (акт. Бераджер Дотэн), и о мужественном Беральде (акт. Жак Тожа), и о других участниках, которые, бесспорно, вносят свою лепту в успех спектакля, но не достигают тех высот комической поэзии Мольера, на которую поднялся Жак Шарон, подаривший нам много ярких впечатлений.

ВЕЧЕР ВТОРОЙ

В этот вечер мы увидели комедию Мольера «Тартюф». А. С. Пушкин, выделяя ее среди других сатирических произведений драматурга, писал, что «бессмертный «Тартюф» — плод самого сильного напряжения комического гения».

Тартюф Робера Ирша впервые появляется на сцене уверенным шагом крепкого, волевого мужчины. Молитвенник в руке кажется почти недоразумением; из всего ходового реквизита того века ему, наверное, больше шла бы пипага. Но пипага и впрямь вскоре скрывается — режим жестоты Тартюфа, проявляющегося служанке Дорине платок для прятания чересчур, на его взгляд, глубокого декольте, и наменливой ответной репликой Дорины, пародным чутьем как бы постигнутой ханжескую суть своего противника.

Суть эта пока никак не выявлена, что нас, ожидающих хрестоматийного «разоблачения» Тартюфа, даже несколько смущает. В отличие от устояв-

шихся трактовок классического образа, в том числе и от трактовки Тартюфа, предыдущим его исполнителем на сцене Комеди Франсез Жаном Ионелем, Робер Ирш не спешит обнажить суть героя. Образ раскрывается в сложной эволюции, на которой и хотелось бы остановиться.

Вторично на сцену выходит Тартюф (Робер Ирш) также неторопливо, но во всем его облике и походке уже не чувствуется былой уверенности в себе. Он даже немного робок и застенчив. Перед ним жена Аркана — красавица Эльмира (акт. Женевьев Казиль). Начинается знаменитая сцена признания в любви. Она длится долго, без внешнего действия, но мы следим за ней с возрастающим напряжением. Тартюф говорит о своей любви с такой искренностью, что и нас убеждает в силе своих чувств. Артисту веришь, когда видишь его блестящие глаза, слышишь взволнованный голос: кажется, что он искренен и простодушен.

Наконец, третий и решающий выход Тартюфа... Талантливый актер его проводит с большой самоотдачей и убедительностью. Слушая мнимое признание Эльмиры, он ведет себя поначалу мрачно и недоверчиво, словно «шестым чувством» угадывая подстроенную ему ловушку. Однако стоит лишь Тартюфу поверить в любовь женщины, и в глазах актера появляется лихорадочный блеск. Чувствуя себя хозяином положения, он больше ни в чем не прикидывается. Это —

НА СНИМКАХ: слева — литовские артисты приветствуют французских коллег. Справа — сцена из спектакля. Фото Е. Шишко.